Т. А. БЫКОВА

К ИСТОРИИ ТЕКСТА «ОД ТОРЖЕСТВЕННЫХ» А. П. СУМАРОКОВА

Если не считать первых двух «Ея императорскому величеству поздравительных од в первый день новаго 1740 года от кадетскаго корпуса сочиненных чрез Александра Сумарокова», од, посвященных Елизавете Петровне, и «Оды... Петру Феодоровичу в день восшествия его на престол 25 дня 1761 года», то основная группа торжественных од Сумарокова была издана в царствование Екатерины II; с 1771 года две оды он посвятил наследнику престола Павлу Петровичу и две — его супруге Наталии Алексеевне.

В 1774 году в типографии Академии наук вышел сборник «Оды торжественные. Сочинение Александра Сумарокова», содержащий 30 од. т. е. бо́льшую часть его произведений этого жанра. Издание подготовлялось самим поэтом. По понятным причинам в сборнике отсутствует ода на день восшествия на престол Петра III 25 декабря 1761 года.

В литературе мало внимания уделялось текстологии произведений Сумарокова, в частности отдельно напечатанным одам и сборнику «Оды торжественные». В разборе трагедии «Синав и Трувор» А. С. Шишков заметил, что Сумароков «многие сочинения свои, гоняясь за богатыми рифмами, поправляя испортил».[1] П. Н. Берков, говоря об одах торжественных, указал «на один способ выражения (Сумароковым, — *Т. Б.*) своих литературно-политических взглядов в конце 1760-х—начале 1770-х годов. Так, перепечатывая свои ранние произведения, он сокращал в них, в частности в одах, посвященных Елизавете и Екатерине, строфы, особенно пропитанные лестью. Впрочем, нередко сокращения имели и эстетическое основание».[2] В указанной работе П. Н. Берков сличил шесть (из тридцати) од в первоначальной редакции с помещенными в сборнике «Оды торжественные».

Изложенные во вступительной статье и в комментариях к «Избранным произведениям» Сумарокова наблюдения П. Н. Беркова все же не дают полного представления о большой работе поэта над ранними редакциями своих стихотворений. Между тем для истории русской текстологии такой материал представляет существенный интерес: это один из наиболее обильных фактами и поучительный образец деятельности русского писателя XVIII века в данной области. Поэтому мы считаем целесообразным подробнее сообщить о переработке Сумароковым ранних редакций своих напечатанных од.

Сравнение первоначального и окончательного текстов од, начиная с шестой «На погребение императрицы Елизаветы Петровны», показывает, что

---

[1] А. С. Шишков. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. СПб., 1803, стр. 160, примечание.

[2] А. П. Сумароков, Избранные произведения. Вступительная статья. подготовка текста и примечания П. Н. Беркова. (Библиотека поэта. Большая серия). Изд. «Советский писатель», Л., 1957, стр. 34.

в издании «Оды торжественные» нет ни одной, в которую не были бы внесены изменения. Речь идет не только об исправлениях отдельных стихов; в каждой оде есть строфы, опущенные целиком, иногда их одна-две, некоторые же оды сокращены больше, чем наполовину.[3] В ряде случаев это строфы с шаблонными рифмами: «блещут—трепещут», «плещет—мещет» или напыщенные описания природы с выражениями «зрю», «разъяренны», «громады», картины «борьбы стихий». Этот шаблон был им осмеян еще в 1750-е годы во второй и третьей «Вздорных одах». Как отмечает А. И. Дуденкова, «во „Вздорных одах" Сумарокова... наиболее концентрированно выразились основные моменты его литературно-эстетических расхождений с Ломоносовым».[4] Это была пародия не только на Ломоносова, но отчасти как бы и на самого себя.

Приводим ряд, на наш взгляд, наиболее ярких и существенных строф, опущенных в первоначальном тексте.

«Ода... Екатерине Алексеевне... на день восшествия на престол июня 28 дня 1762 года», строфы восьмая и девятая (всего в оде 24 строфы).

Парнасску под собою гору,
И токи Ипокрены зрю,
И любопытну ныне взору
В жару в котором я горю,
Представилась Минерва ясно,
Вещающая громогласно:
Злосердный рок окаменел,
Мечи во ужас Марса блещут,
Фетида и Нептун трепещут,
Еол страшась оцепенел.

В пещеры ветры созывает,
Во узы, в тишину и мрак,
Главу в пучине сокрывает,
И в бездне свой сердитый зрак.
Свергается Нептун со трона,
И дно до самого Плутона,
Стремленья силою проник,
Себе убежищем ласкает,
И преужасный испускает,
Дрожа во преисподней крик.

В «Оде... Екатерине Алексеевне... на 1763 год января первого дня» из 24 опущено 13 строф, среди них и пятая:

Гигантов страшные машины,
Воюющих на облаках,
Зрю льдисты жидких гор вершины,
Во мрачных тамо небесах;
Пучина там на звезды плещет,
Вершины льдяны в небо мещет,
И пену разъяренных вод:

[3] Часть опущенных в одах строф была восстановлена Н. И. Новиковым в «Полном собрании всех сочинений А. П. Сумарокова». Тт. I—X, М., 1781—1782.

[4] А. И. Дуденкова. Идейно-художественная борьба в русском классицизме (1740-х, 1750-х и начала 1760-х годов). Автореферат диссертации. Ужгород, 1955, стр. 13.

Бросает ветр огромны глыбы,
И тяжкие из бездны рыбы;
Да разрушат небесный свод.

В «Оде... Екатерине Алексеевне... на день коронования ея сентября 22 дня 1766 года» из девяти строф опущены две, среди них первая:

Не Зевс ли гром с Олимпа мещет,
Или от горьних дальных стран,
И молния по сфере блещет,
Ревет великий Окиян,
Валы морские бурей тмятся,
Рифейских гор верьхи дымятся,
От корня их выходит треск?
О муза! рцы, в какой судьбине
Европы шум я слышу ныне,
И что в подсолнечной за блеск?

Значительный интерес с точки зрения эволюции общественных взглядов Сумарокова представляет исключение многих строф, полных лести Екатерине. Они выражают чаяния Сумарокова, возлагавшиеся на новую императрицу при ее восшествии на престол, формулируют его собственные взгляды, когда в шестидесятых годах он пытался влиять на политику императрицы, его надежды на справедливость. Ко дню коронации Екатерины II Сумароков приготовил «Слово», в котором много уделял внимания вопросам правосудия и осторожно намекал на введение самодержавия в рамки законности. «Слово» осталось ненапечатанным, и поэт впервые мог почувствовать недовольство императрицы. Сумароков и в дальнейшем высказывал свое мнение, отнесясь критически к некоторым пунктам составленного Екатериной II «Наказа», чем опять раздражил ее. Постепенно наступало разочарование: поэту, как и многим его современникам, становилось ясно, что Екатерина II стремилась быть просвещенной монархиней на словах, а на деле являлась деспотом. По ряду личных причин отношения Сумарокова с Екатериной в конце 60-х—начале 70-х годов обострились; к разочарованию политического характера прибавилось личное раздражение. Материально Сумароков во многом зависел от милостей императрицы, его денежные дела были расстроены. Не будучи на государственной службе, он получал пожалованный ему годовой оклад, постоянно выпрашивал добавочные субсидии. Переезд в 1769 году в Москву не улучшил материального положения поэта. В то же время Москва явилась причиной горького разочарования, так как трагедии его не пользовались таким успехом, какого ожидал Сумароков. Отчасти из-за материальной зависимости, отчасти, вероятно, в надежде вернуть милостивое отношение к себе императрицы Сумароков продолжал писать оды в духе, обычном для этого жанра в 1760—1770-е годы. Но при их переиздании в 1774 году критическое отношение поэта к Екатерине II и растущая неприязнь заставили его исключить ряд строф; он оставлял лишь то, что содержало общепринятую, холодную, официально звучащую лесть.

В уже упоминавшейся оде на восшествие Екатерины на престол (1762 год) среди других опущены строфы вторая, шестнадцатая, семнадцатая и восемнадцатая:

Погибла горесть и унылость,
И твой, Россия, прежний страх;
Порфирой облеченна милость:
Твой стон рассеян яко прах.
Чево Тебе желати боле;
Премудрость на Твоем престоле,

Бессмертной образ красоты?
Низвергла Ты несносно бремя,
Скончалося то злое время,
В которое страдала ты.

Ты будешь правда изясненна,
Пред милостию завсегда,
Вдова не будет утесненна;
Убогий, сирый никогда,
Не вознесется гордость пышно,
Не будет бедных вопля слышно,
Не видно от гоненья слез,
Не дрогнет правый пред судами,
И привлечется мзда трудами,
Астрея спустится с небес.

Пиитов гимны сплетенны,
Мать Россов станут прославлять,
Ея вельможи предпочтенны,
О вашей пользе представлять:
Прострет богиня вам довольство,
Исторгнет наглых своевольство,
Мздоимство вечно истребит,
И сильною никто рукою,
Не разрушит у вас покою,
И никого не погубит.

Надежда все тобой пылаем,
И внятно слушаем сие:
Исполнится чево желаем,
И предвещание твое.
Владей, Екатерина, нами,
Дозволь нам быть Себе[5] сынами,
И имя то восприимать.
Ты Россов извлекла из ада,
Тебе мы будем верны чада,
Ты буди щедрая нам мать!

Необходимо отметить, что Сумароков опустил здесь первое упоминание богини справедливости Астреи, им же введенное в литературный оборот в применении к Екатерине и ставшее в дальнейшем таким же поэтическим штампом, как и, по-видимому, им же примененная рифма «Екатерина—крина». Устранение из текста оды упоминания об Астрее имело более чем демонстративный характер.

Как уже указывалось, в оде на 1 января 1763 года много пропусков. В шестой и седьмой пропущенных строфах говорится о продвижении на Восток, о торговых связях с восточными странами; в двадцать первой превозносится пример, который Екатерина подает другим монархам:

Что ветры сферу раздирают,
И весь колеблют горизонт,
Что ярость волны простирают,
И бурный возмущают Понт:
Россию то не устрашает;
Она надеждой утешает,

[5] Так в подлиннике; по смыслу должно быть «тебе».

К востоку плыти корабли:
Нептун российский все проникнет
Лед вечный отбегать обыкнет:
Дойдем путь кончив до земли.

А ежели устав природы,
Пресек нам смертным оный путь,
Причина рок, не непогоды,
Он может те врата сомкнуть;
Сей путь Россия оставляет,
Другой Камчатке путь являет,
Преплыть пучину без препон.
Там Хина, Индии там обе,
И на морской стоящ утробе
Водами окружен Япон.

Примеры истинно геройства
Екатерина подает,
Источник общего спокойства
В таких сокровищах живет,
Вещание сие не ложно;
Сего примера не возможно
Монархам лутче обрести:
И вид ея сие являет,
И действо кое заставляет,
Прекрасну истинну цвести.

Большой переработке подверглась и «Ода... Екатерине Алексеевне... на день коронования сентября 22 дня 1763 года»; из тринадцати строф опущены первая, шестая, седьмая и двенадцатая, все достаточно яркие:

Российска слава проницает
Гремящею, мой слух, трубой:
Екатерину восклицает,
Она, Россия, пред тобой:
Всевышний благу в оборону,
Взложил на ангела корону:
Трепещет устрашенный ад,
Неправда рвется и тоскует,
Святая Истинна ликует,
Тебе подобно Невский град,

Сердца все радостию полны,
Веселие на всех лицах.
А вы, Балтийски горды волны,
Вещали то во всех концах,
Великого земного круга,
Предупреждаючи друг друга,
Что Росский преблаженный край,
Европу к миру преклоняет,
Неву покоем осеняет,
Как Тигр, Ефрат, издревле рай.

Среди Екатерина града,
Среди собравшихся к ней войск,
При нежности приятна взгляда,

Неложный кажет дух геройск,
Щедроту, верности являет,
Злодейству суд возобновляет,
Глася: неправды рог сотру;
Я должности не позабуду,
И подражать на троне буду,
Себе и Первому Петру.

В двенадцатой строфе Петр I из облаков говорит Екатерине:

Пребуди в век Екатериной,
И только подражай себе,
И буди щастия причиной
Подверженных людей тебе.
Он рек, и скрылся в небо ясно:
Страны Российски велегласно
К Екатерине вопиют:
Повергни зло во злую муку,
Простри на беззаконных руку,
Который нашу кровь пиют!

«Ода... Екатерине Алексеевне... на день рождения 21 апреля 1764 года» начинается двумя в дальнейшем опущенными строфами:

Не вам Германские народы,
В день сей родилася Княжна:
Ликуйте, быстры Невски воды,
И вся Российская страна:
Сия на век тебя прославит,
И славы твоея заставит,
Вселенной всей внимати рог:
Сие судьбина обещает,
Внемли, что Вышний возвещает,
И что тебе глаголет Бог.

Судил явити я красою,
Екатерину, естеству,
И напоил моей росою,
Явить подобно божеству:
Сотрется ею адска злоба,
Востанет истинна из гроба,
И возвратится райский век:
Она мне будет подражати,
И скиптр подобно мне держати,
Колико может человек.

Всего в оде из четырнадцати опущено пять строф. В шестой поэт обращается к богу с просьбой посеять всюду добродетель, в седьмой рисуются картины России, украшающей свои земли и расширяющей свои владения на Востоке. Опущенная последняя строфа касается воспитания достойного наследника:

Владей, императрица, мною,
И правосудье проливай,
И обладаемой страною,
Победоносна пребывай:
И тако воспитай ты сына;
Дабы рекли: Екатерина
Видна во всех делах его.
Внуши сие о нем ты миру:

Достоин Он носить порфиру,
И славна скипетра его.

Среди пяти из тринадцати строф, опущенных в «Оде... Екатерине Алексеевне... на день тезоименитства ея ноября 24 дня 1766», особый интерес представляет вторая:

Екатерина презирает
Пустого восклицанья плеск;
К венцу красою избирает
Единый всенародный блеск:
Готовит то к бессмертной славе,
Что пользует ея державе.
И тщится то предпринимать:
Едино то ея отрада,
Что подданы ея ей чада,
А им она любезна мать.

В «Оде... Екатерине Алексеевне... на 1767 год января 1 дня» опущена одна четвертая строфа, касающаяся Нового уложения:

Она премудрость вам явила,
И Ею поражен ваш Мом,[6]
Людьми пустыни обновила,
Людей обогатит умом:
И ради щастия державы
Готовит новые уставы,
И милосердие лиет:
Безскучно ваши нужды внемлет,
Душа ея на час не дремлет,
И всем отрады подает.

В «Оде... Екатерине Алексеевне... на день тезоименитства ея ноября 24 дня 1769 года» среди восьми других опущена строфа первая:

Дражайшее России имя!
Весь север тако вопиет:
Возвеличати тщится Ты мя,
И удивити мной весь свет.
Тобой я краше райска крина,
Великая Екатерина!
Утеха Ты мне, польза, честь;
Стремишься Ты меня исправить,
Всех паче областей прославить,
И выше солнца превознесть.

В 1773 году Сумароков написал «Оду... великой княгине Наталии Алексеевне...», очевидно в связи с ее бракосочетанием с Павлом Петровичем. В оде было четырнадцать строф, из них только три оставлены в «Одах торжественных».[7] Здесь пропущены не только строфы с лестью Екатерине, но и строфы, рисующие образ идеального государя (строфы двенадцатая и тринадцатая):

---

[6] Мом (или Момус) — в римской мифологии бог смеха и злословия. Здесь — политические противники.

[7] Следует отметить, что Н. И. Новиков в «Полном собрании всех сочинений» Сумарокова, т. II, поместил эту оду дважды: ода XXVII воспроизводит первоначальный текст, ода XXVIII — три строфы из «Од торжествен-

И то не много славе вечной,
Когда бы милость не цвела,
И не было б любви сердечной,
Котору нам судьба дала,
И всякий день ее сугубит;
Екатерина россов любит,
И ищет полной пользы их;
Подати тщится им блаженство,
Ввести Россию в совершенство,
И не щадит трудов своих.

Благополучны государи,
Коль подданным они отцы:
А люди не презренны твари,
Коль носят люди ж и венцы.
Монархи всенародно благо;
Но все величие их наго,
Когда неправедна их власть.
На что б монархи и владели,
Когда б тем подданы скудели,
Вкушая горесть и напасть?

Осенью 1774 года Сумароков приехал в Петербург для поднесения Екатерине II накопившихся у него сочинений и для их напечатания. Вероятно, у него была и затаенная надежда получить субсидию для уплаты долга П. А. Демидову; долг его очень тревожил, так как грозил описью и продажей его дома в Москве. В течение 1774 года Сумарокову удалось напечатать в Петербурге 22 произведения; среди них и «Оды торжественные». Но, несмотря на благосклонное отношение к поэту начавшего входить в силу Г. А. Потемкина, субсидии он не получил.[8]

Возможно, что отсутствие «монаршей милости» отчасти побудило Сумарокова к отмеченному выше сокращению оды к Наталии Алексеевне, а также к пропуску семи строф из десяти в «Оде... Екатерине Алексеевне... на первый день 1774 года». Среди опущенных находится строфа девятая:

Тогда вы сыщете причину,
Любви от подданных своих,
И зрите вы Екатерину
Очами сограждан моих.
Царями часто устрашают
Младенцев, коль они кричат;
Вздрогнут они и замолчат;
Екатериной утешают;
Тому свидетель сирых дом,
И здешния питомцы ею,
И словом со Россией всею:
Се славы истинные гром!

ных». В первом стихе первой строфы оды XXVIII есть стилистическое изменение: стих четвертый — «Дав Россам тишину собой» — заменен — «Дух райский покажи собой».

[8] О взаимоотношениях Сумарокова с Потемкиным см. комментарии П. Н. Беркова в кн.: А. П. Сумароков, Избранные произведения, стр. 567.

Приведенные нами наиболее яркие строфы, опущенные в первоначальном тексте, очень существенны. Их отсутствие значительно ослабляет панегирическое звучание «Од торжественных». Исключены строфы, рисующие образ просвещенной монархини, выполняющей свои обязанности по отношению к своим подданным. Отсутствие в новом издании этих строф, несомненно обративших на себя в свое время внимание читателей, не могло пройти незамеченным, и в первую очередь, конечно, самой Екатериной II. Вероятно, это и входило в расчеты Сумарокова. В сделанных им исправлениях неприкрыто проявилась оппозиция литературной группы, которую в то время возглавлял в русском обществе Сумароков.

Исключение других, излишне «торжественных» строф, несомненно повышало поэтическое достоинство од. Интересно, что сам Сумароков считал многие изменения именно исправлением и улучшением текста. В письме 1768 года Сумароков в «Росписи» того, что им сделано за истекший год, среди других работ перечислял: «„Хорев" исправлен и издан со многими отменами, „Синав" ‹трагедия, которая, по мнению А. С. Шишкова, была испорчена, — *Т. Б.*› также». Далее в «Росписи» указано: «Оды все поправлены»[9] — это, вероятнее всего, относится к исправлениям, обусловленным эстетическими требованиями.

Исправления в «Одах торжественных» по традиции связываются с разногласиями с М. В. Ломоносовым, но их надо, по всей вероятности, связать и с критическим отношением Сумарокова к произведениям В. П. Петрова, пользовавшегося в эти годы не только большой известностью, но и покровительством Екатерины II. Свои требования к поэзии Сумароков выразил в 1776 году в «Ответе на оду Василью Ивановичу Майкову»:

Ум здравый завсегда гнушается мечты;
Коль нет во чьих стихах приличной простоты,
Ни ясности, ни чистоты,
Так те стихи лишенны красоты
И полны пустоты.

---

[9] Библиографические записки, т. I, 1858, стлб. 430. Здесь в «Записках» адресатом письма указан граф Безбородко. М. Лонгинов считает, что письмо написано к гр. Григорию Орлову (М. Лонгинов. Последние годы жизни Александра Петровича Сумарокова. «Русский архив», 1871, № 10, стлб. 1655).